

А.Н. ОЛЕЙНИК

## Дефицит общения в науке: институциональное объяснение

Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную,  
фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую,  
не верю даже, когда она страдает и жалуется,  
ибо ее притеснители выходят из ее же недр.  
А. Чехов

Не только представители разных социальных наук зачастую не понимают друг друга, но даже работающие в рамках одной и той же дисциплины ученые не всегда оказываются способными найти общий язык, выработать общие правила игры. Тот факт, что общение в научной среде обрело проблемный характер, может быть объяснен и на совершенно иных основаниях. Стремительно потерявший популярность в России в последнее десятилетие марксизм вообще видит основную задачу развития человеческого сообщества в преодолении искажений общения и необщительности людей. Неортодоксальные философы-марксисты (то есть те, кто стремился преодолеть апологетический характер официальной доктрины) утверждали, в частности, что одна из центральных категорий К. Маркса – способ производства и *общения* – была переведена на русский язык некорректно, как способ производства и *обмена*. В результате акцент на общении как условии деятельности и развития человека, особенно характерный для ранних произведений Маркса, был утерян в советских научных дискуссиях [Батищев, 1969; 1987]. С этой точки зрения предметом настоящей статьи можно назвать объяснение роста актуальности проблематики общения через специфику организации коммуникационных процессов собственно в академической и университетской среде. Причем в такой постановке вопроса появляется возможность выделить аспекты как специфичные для постсоветского контекста, так и являющиеся общими для современной науки вообще.

Приведенные подходы не исчерпывают всей палитры возможных взглядов на актуальность проблемы общения в науке. Они упомянуты лишь для того, чтобы показать значимость рассматриваемого вопроса для представителей не одной, а целого ряда социальных наук. В их числе – институциональная экономика, отражающая попытки экономистов объяснить функционирование институтов как структур, обеспечивающих координацию и взаимодействие людей в самых различных сферах – экономике, политике, частной жизни и т.д. Ведь "институты представляют собой правила игры в обществе, или, говоря более формальным образом, созданные самими людьми ограничения, структурирующие их взаимодействия" [North, 1990, p. 3].

---

*Олейник Антон Николаевич – доктор социологии, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доцент Государственного университета – Высшая школа экономики.*

## Институциональная организация науки как источник искажений в общении

Хотя институциональный анализ касается самого широкого спектра институтов – от отраслевой организации рынков до культуры и семьи, – для исследования процессов собственно в научной сфере он практически не используется. Попытаюсь восполнить данный пробел, мешающий в полной мере оценить аналитический потенциал институционального подхода, а также адекватность претензий некоторых институционалистов на "экономический империализм", то есть объяснение всего и вся на основе привычных для экономистов моделей (см. об этом также [Олейник, 2002<sup>а</sup>]).

Говоря об экономическом империализме, следует сразу же оговориться, что подобные претензии характерны главным образом для представителей неоинституциональной экономики<sup>1</sup>. Уже сам факт существования экономического империализма свидетельствует об искажении коммуникативного процесса, ведь он сводится не просто к игнорированию иных точек зрения, но и к утверждению их ненужности. Например, экономическая теория права (*Law and Economics*) претендует на замещение юриспруденции, а в современной криминологии доминируют объяснения преступных действий исключительно с помощью модели рационального выбора. Поэтому в дальнейшем обсуждении основное внимание будет уделено новой институциональной экономике, возникшей на "стыке" между социальными науками и поэтому более уважительно относящейся к альтернативным взглядам на изучаемые проблемы, в том числе и научного общения.

Первым таким "заимствованием" у других социальных наук будет концепт идеальных типов, впервые предложенный в социологии М. Вебера. Идеальный тип "не является сам по себе гипотезой, но он помогает в выработке гипотез. Он не сводится к описанию действительности, но призван обеспечить такое описание адекватными средствами выражения" [Weber, 1965, p. 180]<sup>2</sup>. Попытаемся сконструировать идеальный(ые) тип(ы) институциональной организации современной науки. Согласно моей гипотезе, таковых будет два – "школа" и "кружок". Для ее проверки потребуются убедиться, что с помощью конкретизации данных идеальных типов описываются все значимые с точки зрения предмета настоящей статьи аспекты научной деятельности.

Под "школой" понимается сообщество ученых, объединяемых приверженностью одной и той же теории и, как правило, учившихся у одних и тех же людей. В случае "кружка" значимой становится общность научных интересов, а не дисциплинарная принадлежность участников или строгие концептуальные рамки. В обоих случаях речь идет о персонифицированных взаимодействиях, ограниченных определенным кругом лиц. Поэтому и школу, и кружок вполне можно назвать разновидностями сети (*network*) как "совокупности устойчивых (курсив мой. – А.О.) контактов или сходных с ними социальных отношений между индивидами или группами" [Granovetter, Swedberg, 1992, p. 9]. Получается, что и в первом, и во втором случаях научная среда имеет сетевую структуру.

В то же время организация, структурирование контактов в рамках школы и кружка существенно отличаются. С формальной точки зрения, школу следовало бы от-

---

<sup>1</sup> Неоинституциональная экономика сохраняет без изменения основные постулаты неоклассической экономической теории – модель рационального выбора, модель всеобщего равновесия, стабильный характер предпочтений. Об отличии между двумя основными течениями в современной институциональной экономике, новой институциональной экономикой и неоинституциональной экономикой, см. [Эггертсон, 2001; Олейник, 2002<sup>б</sup>].

<sup>2</sup> Обратим внимание на недостаточно исследованные параллели, которые можно усмотреть между концептами идеального и абстрактного (в методе восхождения от абстрактного к конкретному) типа в философии марксизма. По мнению представителей марксистской философии, каждая порознь взятая абстракция, выделяемая путем анализа, должна сама по себе быть по существу конкретной, отражающей значимый аспект реальности (см. [Ильенков, 1984; Тронеv, 1975]).

нести к типу *закрытых* сетей, а кружок – *открытых*. Иными словами, число участников кружка потенциально не ограничено: любой заинтересованный ученый, оказывающийся способным к общению по интересным для остальных участников кружка вопросам, может претендовать на членство в нем. Напротив, членство в школе подчинено достаточно жестким требованиям касательно образования (*у кого учился?*), опыта предыдущих исследований (*с кем работал?*) и научного мировоззрения (*сторонник чьей теории?*).

Еще более значим для настоящего исследования тот факт, что общение внутри школы и кружка организовано по-разному. В школе обсуждается и циркулирует одна основополагающая идея. Она может развиваться и корректироваться в процессе обсуждения, однако параллельное развитие альтернативной идеи исключается. Принцип "одна школа – одна идея" соблюдается неукоснительно. Что касается кружка, то в нем допускаются и даже поощряются одновременные обсуждение и "циркуляция" нескольких идей, подразумевающих подчас взаимоисключающие варианты решения интересующей всех его участников проблемы.

Параллель с различными вариантами художественного, гуманитарного мышления, описанными М. Бахтиным, представляется здесь не только уместной, но и необходимой. Бахтин противопоставляет монологический и диалогический, или полифонический, типы гуманитарного мышления. На примере анализа романов Ф. Достоевского он утверждает принцип многомирности, сосуществования и равноправности нескольких точек зрения как систем отсчета. "Не множество характеров и судеб в едином объективном мире в свете единого авторского сознания разворачиваются в его (Достоевского. – *А.О.*) произведениях, но именно *множественность равноправных сознаний с их мирами* сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство события" [Бахтин, 1979, с. 6–7]. В идеале кружок и существует благодаря общению равноправных сознаний, каждое из которых обладает своей идеей, своим взглядом на обсуждаемую проблему. Общение членов кружка включает в себя компонент взаимной критики, которая лишь подчеркивает равноправие идей и отсутствие единственно правильной точки зрения.

В школе же доминирует иной, монологический, принцип организации общения. Глава школы, или Учитель, играет функциональную роль, подобную роли автора в "субъективном" романе, в котором все действия героев заранее предвосхищены и поэтому "приговорены" авторским сознанием. В школе "одно сознание и одни уста совершенно достаточны для всей полноты сознания" [Бахтин, 1979, с. 92]. Сомнения в полноте сознания Учителя неприемлемы еще и потому, что в условиях персонификации отношений они неизбежно порождают личные конфликты и неприязнь. Под угрозой интриг и внутреннего раскола члены школы не могут допустить более или менее серьезной критики "основ", сформулированных ее отцом-основателем. Пожалуй, отношения между Учителем З. Фрейдом и его Учеником и наследником К. Юнгом, осмелившимся на открытую критику, наилучшим образом иллюстрируют данный тезис. Всякие отношения между ними прервались и уступили место взаимным обвинениям и вражде в результате попытки Юнга получить, говоря его собственными словами, право "публично находиться рядом с Вами (Фрейдом. – *А.О.*), сохраняя собственные взгляды" (цит. по [Эткинд, 1993, с. 407]). Монолог Учителя может лишь дополняться хором, а не перебиваться другим соло.

Однонаправленная коммуникация в школе и полифоническое общение в кружке оказывают существенное влияние на эволюцию конкретных идей и научного знания вообще. Недостаток, дефицит общения в школе оказывается серьезным сдерживающим фактором в развитии ее основополагающих идей. Слово Учителя, сколь бы ярким и интеллектуально насыщенным оно ни было в момент озарения, без рефлексии, без сопоставления с другим словом, превращается в мертвую букву, сказанную или же написанную. "Идея начинает жить... только вступая в существенные диалогические отношения с другими *чужими* идеями" [Бахтин, 1979, с. 100]. Постоянное соотнесение собственной идеи с идеей Другого необходимо прежде всего самому

ученому, ибо только с помощью такого "зеркала" он может корректировать и совершенствовать исходную мысль. Фактически диалог с мнением Другим становится главной предпосылкой внутреннего диалога, самосознания ученого [Библер, 1991]. В результате распространенное убеждение, что научные открытия – глубоко индивидуальный процесс, не опровергается, но уточняется. Диалог с другими идеями оказывается в центре внутренней напряженной работы ученого над своей идеей (психологи говорят о "внутренней речи").

Марксистская философия в лице Г. Батищева идет в утверждении значимости диалога для научного творчества еще дальше. Позиция Бахтина подвергается критике за то, что сам процесс рождения новой идеи ("озарение") выводится за скобки анализа. Все идеи заданы с самого начала, они не возникают, не "производятся", но *предшествуют* анализу. "Все эти слова даны полностью с самого начала... Никакого становления мысли под влиянием нового материала, новых точек зрения почти не происходит" [Бахтин, 1979, с. 8]. Через соотнесение с мнением Другого идея становится лишь лучше познаваемой, четче определяемой самим ее автором. Полифонизм в интерпретации Бахтина, по мнению Батищева, несет на себе печать безразличия. Он "равносителен отречению от созидательной со-причастности, от участливости и от служения судьбам других" [Батищев, 1997, с. 49].

Иными словами, восприятие мнения Другого как "зеркала" для собственной идеи следовало бы дополнить искренним интересом к чужой идее как таковой. Ибо новые идеи возникают именно на "стыке" мнений, в результате их взаимного соотнесения и критики. "*Творчество по самой сути своей междусубъектно. Оно есть высшее и тончайшее в человеческом деянии, претворяемое как работа общительности*" [Батищев, 1997, с. 436]. Институциональная организация кружка – через диалог и критику – стимулирует появление новых идей и, следовательно, аккумуляцию нового знания. Используя известное выражение, идеи здесь начинают "витать в воздухе", насыщенном общением и заинтересованным сопоставлением позиций.

### Власть в науке

Помимо диаметрально противоположной организации общения, институциональные структуры школы и кружка отличаются и по ряду других параметров. Так, модель отношений учитель–ученик предполагает возникновение властных отношений в научной среде, понимаемых как передача одним ученым – Учеником – права контроля над своими действиями другому ученому – Учителю. Учитель вправе определять ту роль, которую необходимо играть тому или иному Ученику для воспроизводства школы и расширения ее влияния в научной среде. Подобно полководцу, он лучше знает место каждого солдата и призван следить за соблюдением дисциплины для успеха в "сражениях" с представителями других школ. Следует заметить, что Ученики добровольно передают Учителю часть полномочий по контролю над своими действиями, что позволяет определить возникающие в результате властные отношения как согласованные (интересы Ученика и Учителя полностью совпадают) либо раскоординированные (интересы не совпадают, но Ученик получает компенсацию за подчинение указаниям Учителя)<sup>3</sup>.

О какой компенсации за отказ от самостоятельной позиции в науке (а иногда – и в жизни) может идти речь? Подобно отношениям между Патроном и Клиентом, между Учителем и Учеником происходит "реципрокный, но асимметричный обмен деятельностью и дарами" [Афанасьев, 2000, с. 44]. Учитель обеспечивает успешную защиту диссертаций Ученикам, ограждая их от *нежелательной* критики. Учитель способствует и получению Учеником постоянной работы в университете или в исследовательском центре, что особенно актуально на Западе, где подобная заня-

<sup>3</sup> Подробнее о концептах согласованной и рассогласованной власти см. [Coleman, 1990].

тость по-прежнему престижна и выгодна с материальной точки зрения. Наконец, Учитель использует свое влияние для облегчения публикации работ Ученика и получения им финансирования для проведения исследований. Очевидно, что, помимо укрепления собственной власти, Учитель при этом достигает и другой, не менее важной цели – способствует экспансии своей идеи в научной среде. Ведь Ученик свою диссертацию, лекции и публикации посвящает главным образом доказательству *исключительной* истинности этой идеи.

Монологический характер общения в научных школах исключает согласие на существование какой-либо истины, кроме основополагающей для Школы идеи. Каждая школа, таким образом, претендует на знание абсолютной, и поэтому единственной, истины. Как привести это множество претендующих на исключительность истин к общему знаменателю? Ведь современная научная среда, в том числе постсоветская, далека от ситуации монополии *одной* школы. Апелляция к количественным методам анализа в социальных науках, во-первых, признается далеко не всеми учеными, во-вторых, подвержена манипулированию не в меньшей мере, чем недобросовестным образом подобранные качественные данные или "спекулятивные" аргументы<sup>4</sup>. Именно отсутствие *обще*признанного (то есть признаваемого членами различных школ) критерия истины объясняет ту роль, которую в современной науке играет так называемый административный ресурс, или использование властных полномочий для утверждения истинности монологической идеи.

Если *убедить* "чужих", то есть представителей других школ, в истинности своей идеи становится невозможным, то можно попытаться заставить их признать ее истинность. Неслучайно П. Бурдьё сводит действия *homo academicus* к непрерывным усилиям по укреплению своей власти и влияния, стремлению подняться на все новые ступеньки в иерархической лестнице. Единственным "капиталом" в научном мире, по его мнению, является "иерархическая позиция, а не исключительные качества произведения или исследователя" [Bourdieu, 1984, p. 112]. Иными словами, чем более распространены в науке школы, тем более важную роль играет в ней административный ресурс. С его помощью насильственным, искусственным образом восполняется образующийся в результате дефицит общения.

В рамках кружка властные отношения не возникают. Точнее, право контроля над действиями других временно передается лицу, находящемуся в центре общения, то есть на пересечении информационных потоков. Например, докладчик получает право контроля, но только на момент представления и обсуждения своей идеи. Говоря языком институциональной экономики, каждый член кружка имеет равные шансы стать Принципалом, получив при этом минимальные властные полномочия. Впрочем, стимулов к получению власти институциональная среда кружка просто не создает: этот ресурс оказывается бесполезным с точки зрения поиска истины.

В среде диалогического общения, чем больше самостоятельных точек зрения, тем сильнее стимулы к поиску истины, которая всегда относительна, лишена абсолютного характера. Каждый член кружка заинтересован в существовании увлеченных слушателей и собеседников, которые тоже несут в себе идеи. Член кружка, "подобно гетевскому Прометею, [стремится к созданию] не безгласных рабов (как Зевс), а свободных людей, способных стать *рядом* со своим творцом, а не соглашаться с ним и даже восставать на него" [Бахтин, 1979, с. 6].

Сравнение стимулов к научной деятельности внутри школы и кружка позволяет утверждать, что школа воспроизводит лекторов, или комментаторов написанных ранее текстов. Напротив, среда кружка благоприятна для появления аукторов (*auc-*

---

<sup>4</sup> "Достаточно умелый и терпеливый исследователь массивов национальной и региональной статистики, озабоченный лишь статистической достоверностью результатов и оставляющий без внимания достоверность источников и смысл обрабатываемых данных, будет способен получить практически любой желаемый результат" [Brenner, 1994, p. 75].

tor), работающих с текстами, будь то печатное или устное слово, исключительно для достижения прогресса в знаниях, для обеспечения эволюции идей через их постоянное соотнесение<sup>5</sup>. Иными словами, школа нацелена на сохранение идеи, тогда как кружок – на ее непрерывное изменение и развитие.

### Наука: бизнес или призвание?

Какая из этих двух задач наиболее адекватна для науки как особой сферы человеческой деятельности? Ответ не так очевиден, как кажется на первый взгляд, потому что зависит от того, как, собственно, понимается специфика правил игры в науке. Современное (*modern*) общество предполагает образование автономных сфер повседневной жизни – политики, рынка, частной жизни, производства и других, причем взаимодействия людей в каждой из этих сфер регулируются особыми правилами, или соглашениями. Если под научной деятельностью понимать "производство" идей и прогресс знания, то она должна осуществляться по правилам игры, соответствующим соглашению вдохновения (*d'inspiration*). "Естественными отношениями (здесь. – *A.O.*) оказываются творческие связи. Каждое существо создает и в то же время создает другими" [Boltanski, Thévenot, 1991, p. 203]<sup>6</sup>. Задачи, решаемые кружком, представляются вполне адекватными такому определению научной сферы.

Замечу, что даже императив вдохновения и творческой деятельности здесь сформулирован не специально для описания научной жизни, а заимствован у религии, что следует из следующих вариантов названия: *cité de Dieu* (божественный полис) и *sphere of divine grace* (сфера божьей милости). Речь идет о науке как своего рода призвании. Подобное отношение к научной деятельности не может претендовать на исключительность. Люди науки могут видеть в ней не призвание, а традиционное ремесло, способ заработать деньги или даже элемент политической власти. В последних случаях соглашение вдохновения как регулятор взаимодействий в научной сфере уступает место традиционному, рыночному или политическому ("гражданскому") соглашениям.

Рассмотрим в качестве примера наиболее актуальный для постсоветской России случай превращения науки в особый отраслевой рынок, когда она начинает функционировать по рыночным правилам игры. Ориентиром становится не поиск истины, а максимизация полезности. Аналогом кружка на научном рынке была бы самоуправленческая фирма, выживание которой возможно лишь при относительно стабильной рыночной конъюнктуре и в достаточно узких "нишах" (например, небольшая численность работающих, облегчающая общение). Напротив, институциональная организация школы не исключает ее превращение в полноценную научную фирму под управлением Учителя-предпринимателя.

В экономической науке, начиная с Й. Шумпетера, действия предпринимателя ассоциируются с динамикой, а не со статикой. Но даже в такой интерпретации предприниматель не создает, а только находит новые варианты применения уже имеющихся ресурсов, в том числе и научных знаний. Суть деятельности предпринимателя – в "ином применении имеющихся в народном хозяйстве запасов средств производства" [Шумпетер, 1982, с. 170; курсив мой. – *A.O.*]. Ученый-предприниматель, таким образом, способствует не появлению новых идей, а лучшему использованию старых через поиск вариантов их прибыльного продвижения на рынок. Постулированные выше цели школы оказываются – в рамках рыночного соглашения – достигнутыми.

Преобразование школы в фирму требует появления не только предпринимателя от науки, но и целого ряда других фигур – менеджера от науки, коммерческого пред-

<sup>5</sup> Об отличиях между лектором и ауктором см. [Bourdieu, 1996, p. 14].

<sup>6</sup> Американский политический философ М. Уолцер дает сходное определение сферы вдохновения (*sphere of divine grace*) [Wlazer, 1983, p. 241–249].

Два идеальных типа институциональной организации науки: Школа и Кружок

|                    | Научная школа                                            | Научный кружок                                            |
|--------------------|----------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------|
| Характер общения   | Монологическое                                           | Диалогическое, или полифоническое                         |
| Властные отношения | Согласованные либо рассогласованные                      | Отсутствуют                                               |
| Субъекты           | <i>Homo academicus</i> , лектор                          | Ауктор                                                    |
| Правила игры       | Традиционное соглашение, либо гражданское, либо рыночное | Соглашение творческой деятельности, или сфера вдохновения |

ставителя от науки и т.д. Так, ученый-менеджер обеспечивает эффективное управление научной корпорацией, достигающей подчас очень крупных размеров. Именно хороший менеджер требуется для обеспечения повседневного управления университетом, ориентированным на достижение коммерческих целей (таких, как *fund rising*)<sup>7</sup>. Коммерческий же представитель в науке оказывается востребованным, когда речь идет об экспансии школы-фирмы на новые рынки, в том числе и за рубежом.

Не исключено, что от российских молодых ученых, получающих образование за рубежом, подчас ожидается выполнение подобной роли по обеспечению экспансии зарубежных научных школ в постсоветское научное пространство. В конечном итоге при развитии науки по рыночному сценарию *homo academicus* постепенно приобретает все больше черт *homo economicus*, а его стремление к власти реализуется через установление рыночной власти. К слову, в данном контексте претензии экономического империализма оказываются в существенной мере оправданными. По крайней мере модель рационального выбора объясняет многое в поведении ученого – предпринимателя, менеджера и коммивояжера.

Наука и как призвание, и как бизнес представляет собой две равноправные идеи, исключаящие, как и сам научный диалог, абсолютную истину. Поэтому постановка вопроса о том, какое соглашение – творческое или рыночное – более адекватно научной деятельности, не вполне корректна. Наука может функционировать на основе как первых правил игры, так и вторых (а равно и третьих – традиционных, четвертых – политических и т.д.). Необходимо лишь отдавать себе отчет в том, что наука как бизнес (или политика, или ремесло) имеет мало общего с наукой как призванием. Как мало общего между использованием идей и их генерацией.

Конечно, в реальности далеко не все научные кружки близки описанному выше идеальному типу (см. табл.), как, впрочем, не все научные школы воспроизводят в чистом виде модель отношений между Учителем и Учениками. Все же представляется, что в современном научном мире вообще и постсоветском в частности господствуют именно институты, близкие к идеальному типу школы. Почему это происходит? Хотя поиск ответа на данный вопрос выходит за рамки настоящей статьи, предположим в качестве гипотезы, что структура школы позволяет ей лучше адаптироваться к экспансии самых различных правил игры. Будь то политическое ("гражданское") соглашение, доминировавшее в большинстве сфер повседневной жизни в советский период, или же рыночное соглашение, экспансия которого характерна для эпох "дикого" капитализма образца США второй половины XIX в. и России конца XX – начала XXI в. Учитывая, что четкое проведение границ между сферами повседневности лишено само собой разумеющегося характера и всегда требует усилий со стороны государства и отдельных граждан [Walzer, 1992], адаптивность школы оказывается серьезным преимуществом. Пусть и достигаемым за счет дефицита общения и торможения развития новых идей.

<sup>7</sup> Об истории американских университетов как коммерческих предприятий см. [Debouzy, 1992, p. 214–215].

В числе немногочисленных примеров настоящих кружков назову, пожалуй, кружок самого Бахтина, образовавшийся в 1918 г. в Невеле и просуществовавший (после переезда сначала в Витебск, а затем в Ленинград) до второй половины 20-х гг. прошлого века. Ключевыми особенностями кружка Бахтина принято считать его междисциплинарный характер (в нем участвовали философы, музыкальные критики, биологи, поэты, пианисты, востоковеды), а также отсутствие, несмотря на выдающийся интеллект его создателя, фигуры Учителя. В качестве доказательства последнего утверждения – принципиально важного для нашего разговора о научном общении – укажу на тот факт, что по поводу авторства нескольких книг, написанных его участниками, до сих пор продолжают споры. В контексте кружка "книжки имеют, конечно, какое-то значение, но, в общем, являются чем-то вроде записок для памяти, оставляемых на пути диалога или для того, чтобы отметить ими особенно крутые повороты" [Эткинд, 1993, с. 392]<sup>8</sup>.

### Общение в науке: о логике жанра

Если на макроуровне полифоническое общение оказывается в неблагоприятной институциональной среде, выражающейся в экспансии исключающих его правил игры, то, может быть, шанс на его сохранение и развитие следует искать на микроуровне? Скажем, в особой организации научной статьи как основной форме жанра научного дискурса? Ведь если полифонический роман признан основной жанровой формой художественного мышления Нового времени, то следование его канонам позволяет автору развивать диалог со своими героями, пусть и только заочно, на бумаге. "Жанр обладает своей органической логикой, которую можно в какой-то мере понять и творчески освоить по немногим жанровым образцам" [Бахтин, 1979, с. 182–183]. Изменяя формулировку исходного вопроса, попытаемся понять, насколько жанр научной статьи содействует общению в академической и университетской среде.

Хотя в постсоветских социальных науках понятие жанра научной статьи трактуется, скорее, широко, публикуемые в западных академических журналах тексты чаще всего имеют четкую структуру: формулировка исследовательской проблемы, обсуждение известных подходов к ее решению, авторская идея (или формальной образом представленная модель), ее проверка и дискуссия полученных результатов. Основной интерес для нас представляет обсуждение альтернативных подходов к решению исследовательской проблемы, в основе которого и лежит – в идеале – диалог с другими учеными. Замечу, что различные "отклонения" от канонов жанра, например превращение научной статьи в политический памфлет или публицистический очерк, не в последнюю очередь стимулируются экспансией в научные сферы правил игры, помещающих творчество на второй план.

Если все же ученый решает следовать логике жанра, то он просто обязан серьезно обсуждать все идеи, имеющие отношение к исследуемой им проблеме, какими бы далекими от его собственной они ни были. Он может их критиковать или, наоборот, соглашаться с ними, но игнорировать – *отказывать в общении* – не имеет права. Научная статья по сути своей многоголосна, ибо помимо голоса автора в ней присутствуют голоса других ученых, призываемых автором к дискуссии. Учитывая уже отмеченное выше отсутствие в науке – как минимум, в социальных науках – абсолютной истины, по каждой проблеме существует целый ряд точек зрения, идей, нуждающихся в синкрисе (сопоставлении). Более того, сама статья пишется с целью

---

<sup>8</sup> См. также [Библер, 1991, с. 31–34]. Подчеркну, что две наиболее известные из этих книг ("Фрейдизм: критический очерк" В. Волошинова и "Козлиная песнь" К. Вагинова) весьма далеки от взглядов самого Бахтина.

получения резонанса в дискуссии, то есть она направлена на провоцирование отклика со стороны собеседника (анаक्रизу)<sup>9</sup>.

Полифонический характер научной статьи важен и по другой причине. Претензии на знание абсолютной истины в социальных науках обычно обосновываются "объективными" фактами, преимущественно в статистической форме. Выше уже отмечалось, что методы сбора, обработки и интерпретации статистических данных оставляют ученому широкое поле для маневра, и поэтому "объективное" представление реальности оказывается на поверку ни чем иным, как субъективным мнением, причем одним из многих возможных. Обладание навыками работы с текстом позволяет реконструировать на его основе не только субъективную позицию автора монолога, но даже его личные качества. Как отмечал в своем письме к брату Достоевский, "все они (публика и критика. – М.Б.) привыкли видеть рожу сочинителя, я же своей не показывал" (цит. по [Бахтин, 1979, с. 237–238])<sup>10</sup>.

Объективность позиции Достоевского объясняется не многочисленными и детальными описаниями реальности, от которых он, напротив, сознательно отказывается. Объективность изображения действительности достигается сопоставлением всего многообразия точек зрения в процессе ее неизбежно субъективного восприятия. Тот же принцип должен быть сохранен и в научной статье, объективность которой тем выше, чем более внимательно и вдумчиво подходит ученый к общению с другими идеями. Следовательно, объективный научный анализ возможен лишь в результате общения, диалога, в противном случае не удастся выйти за рамки субъективизма, к каким бы "объективным" данным не апеллировал ученый.

В экономических науках потребность в полифоническом научном анализе не менее актуальна, чем в смежных с ними социальных науках. Дело в том, что поведение человека в экономической сфере невозможно описать исключительно на основе модели рационального выбора. Интерференция между сферами повседневности и присутствия им правилами игры исключает ограничение анализом лишь рыночных правил игры в "чистом виде" для предсказания всего многообразия экономического действия. "Индивиды постоянно находятся под воздействием двух основных факторов: полезности и моральных обязательств (причем оба эти фактора являются продуктом социализации). Относительная значимость этих детерминантов поведения определена историческими и социальными условиями, а в заданных условиях она зависит от личностных характеристик индивида" [Etzioni, 1988, p. 63]. Причем лишь двумя модусами экономического действие тоже не ограничивается: не будем забывать также принуждение (как минимум – легитимное, со стороны государства) и аффекты. В экономической статье, таким образом, должны быть слышны "голоса" и морали, и насилия, и аффекта.

Если сторонники неоклассической теории убеждены в универсальности модели рационального выбора, то это свидетельствует о монологическом, одnogолосом характере предлагаемого ими анализа. Другие идеи в поведении человека, в частности в экономическом действии, не находят в неоклассическом анализе места. Поэтому неслучайно, что жанр экономического текста, в его неоклассической интерпретации, далек от полифонии научной статьи. Его, пожалуй, правильнее сравнить с жанром детектива, в котором последовательный поиск скрытых рациональных мотивов персонажей всегда позволяет главному герою реконструировать истину, то есть узнать, как все происходило *на самом деле* [Breit, Elzinga, 2002]<sup>11</sup>. Истина здесь одна, и движение к ней происходит вопреки идеям, высказываемым действующими лицами.

<sup>9</sup> О синкрize и анакрize как элементах сократического диалога см. [Бахтин, 1979, с. 126–128].

<sup>10</sup> О задаче изучения человека через его тексты как центральной для гуманитарного мышления см. [Библер. 1991, с. 115–122].

<sup>11</sup> Выражаю благодарность В. Фаминскому за указание на данный источник.

Монологический характер научного текста имеет и количественное выражение. Например, за количественным обилием ссылок может скрываться их однообразие, если цитируются авторы, принадлежащие к одной и той же школе. Представляется, что кластерный анализ ссылок в научных изданиях мог бы принести в этой связи интересные результаты. Кроме того, ученые публикуют свои труды преимущественно в одних и тех же журналах и, симметрично, вокруг этих журналов образуется круг постоянных авторов (об этом см. в частности [Аукуционек, Чуркина, 2002]). Причем эти круги практически совпадают со сферами влияния школ. Понятно, что опубликованию при такой системе подлежат лишь монологические статьи, соответствующие единственно принятой в данном кругу идее, в которых цитируются исключительно его представители. В итоге институциональная структура школы оказывает влияние на научные коммуникации и опосредованным образом, через изменение канонов жанра научной статьи.

### **Выводы: о стоицизме в науке**

Предыдущий анализ, при всем стремлении автора показать вариантность идей относительно развития науки, приводит к неутешительным выводам в отношении общения в академической и университетской среде. Полифонизм постепенно вытесняется монологом, точнее, диалог по-прежнему остается маргинальной формой общения в науке. Причем речь идет об общей тенденции, которая в постсоветском контексте принимает лишь более явные, грубые формы (что связано, в частности, с более активной, чем в западных странах, экспансией рынка).

Возможно, пессимизм выводов обусловлен ограниченностью самого институционального метода. Для сторонника институциональной экономики значимы стимулы в деятельности человека, производные от институциональной среды. И новый институционализм, и неинституциональная экономика не ставят под сомнение данный тезис [Норт, 1997]. Иными словами, поведение человека, в данном случае – ученого, сводится к реакции на внешнюю среду. Предполагается, что он ориентируется на диалог и поиск истины только тогда, когда среда мотивирует его на действия в данном направлении.

Чтобы сохранить надежду на преодоление детерминизма институциональной среды, можно предположить – хотя бы логически – способность субъекта брать инициативу на себя, действовать активным образом. Активный образ деятельности конкретизируется в двух фигурах, которые условно назовем "стоиком" и "героем". Главное отличие между ними заключается в том, что "стоик" отказывается играть по навязываемым ему правилам, не надеясь их изменить, тогда как "герой" стремится именно к изменению институциональной среды.

По всей вероятности, перспективы распространения диалога в науке следует связывать именно с действиями ученых, относящихся к двум указанным типам. Без предположения активной позиции ученого выйти из замкнутого круга реакций на институциональную среду науки вряд ли возможно<sup>12</sup>. И тем более невозможно превратить саму науку в орудие изменения институциональной организации общества в целом, на что всегда претендовала, в частности, российская интеллигенция. Врач должен прежде всего оказаться способным исцелить себя сам, то есть научиться общаться. Ведь лучшее лекарство от болезней науки – и не только ее – именно общение.

---

<sup>12</sup> Специально подчеркну, что речь идет об активности, направленной на диалог и реализующей себя в нем. Иначе оказывается уместной критика активности в чистой форме, активности ради самой активности. Последняя неотличима в конечном счете от особой формы монолога – стремления навязать свою точку зрения окружающим. Элементы критики "односторонней активности" приведены в [Батищев, 1997].

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аукуционек С., Чуркина Г. Экономические журналы в период рыночных реформ // Вопросы экономики. 2002. № 2.
- Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность. М., 2000.
- Батищев Г. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997.
- Батищев Г. Введение // Диалектика общения. Гносеологические и мировоззренческие проблемы. М., 1987.
- Батищев Г. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969.
- Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
- Библиер В. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991.
- Ильенков Э. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1984.
- Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3.
- Олейник А. В заточении в башне из..? (к вопросу об институциональной организации науки // Вопросы экономики. 2002<sup>a</sup>. № 9.
- Олейник А. Институциональная экономика. М., 2002<sup>б</sup>.
- Тронеv К. Еще раз к вопросу об абстрактном и конкретном в политической экономии // Вестник МГУ. Сер. "Экономика". 1975. № 5.
- Шумпетер Й. Теория экономического развития. Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. М., 1982.
- Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001.
- Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1993.
- Boltanski L., Thévenot L. De la justification. Les économies de la grandeur. Paris, 1991.
- Bourdieu P. Homo academicus. Paris, 1984.
- Bourdieu P. Qu'est-ce que faire parler un auteur? // Sociétés et représentations. 1996. № 3.
- Breit W., Elzinga K. Economics as Detective Fiction // Journal of Economic Education. Fall 2002.
- Brenner R. Labyrinths of Prosperity. Economic Follies, Democratic Remedies. Ann Arbor (Mich.), 1994.
- Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge, 1990.
- Debouzy M. Le capitalisme "sauvage" aux Etats-Unis. 1860–1900. Paris, 1992.
- Etzioni A. The Moral Dimension. Toward a New Economics. New York, 1988.
- Granovetter M., Swedberg R. Introduction // The Sociology of Economic Life. Boulder (Col.), 1992.
- North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990.
- Walzer M. La justice dans les institutions // Esprit. 1992. № 180.
- Weber M. Essais sur la théorie de la science. Paris, 1995.
- Wlazer M. Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality. New York, 1983.